

И. В. Гессен

Архив русской революции

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. В. Гессен**
Архив русской революции: Том 3 / И. В. Гессен – М.: Книга по Требованию, 2012. – 278 с.

ISBN 978-5-458-23235-7

ISBN 978-5-458-23235-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

никогда не уцѣлѣть и будетъ отброшена жизнью, а, кромѣ того, только такимъ путемъ приобрѣтается тотъ опытъ и усвоеніе цѣлей и методовъ борьбы, безъ которыхъ трудно достичь полной побѣды надъ такимъ грознымъ явленіемъ современности, какъ большевизмъ, жертвой котораго уже три года является наша родина и который угрожаетъ благополучію всего міра.

Послѣ годичныхъ мытарствъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба, голодовки, ужаснаго нравственнаго состоянія, въ связи съ необходимостью почти все время мѣнять мѣсто почлега, въ виду систематическихъ обысковъ и попытокъ къ аресту, мнѣ удалось въ Ноябрь послѣ долгихъ хлопотъ отправить семью въ Финляндію. Руки были развязаны и начались хлопоты о личномъ бѣгствѣ туда же. О переходѣ границы въ частномъ порядкѣ при посредствѣ финновъ-проводниковъ, бравшихъ большія суммы (отъ 3000—15000 р.), нечего было и мечтать, а потому я приступилъ къ розыску бѣлыхъ организацій, чтобы прибѣгнуть къ ихъ помощи. Принимая во вниманіе конспиративность такихъ организацій, задача была нелегкая, но, какъ часто бываетъ, помогъ случай. Въ одной хорошо знакомой морской семьѣ я познакомился съ однимъ изъ членовъ морской бѣлой организаціи, который, узнавъ, что цѣлью моего ухода изъ совдепіи является желаніе принять активное участіе въ борьбѣ съ большевиками, обѣщаль мнѣ оказать свое содѣйствіе. Черезъ нѣсколько дней мнѣ была назначена явка на конспиративную квартиру, гдѣ я долженъ былъ быть переданъ «по принадлежности» представителю сухопутной бѣлой организаціи. Не безъ волненія переступилъ я порогъ конспиративной квартиры, занимаемой одной извѣстной русской артисткой, такъ какъ со времени вступленія въ связь съ организаціей можно было всегда ожидать всякихъ неприятныхъ неожиданностей: тогда только что былъ опубликованъ списокъ разстрѣлянныхъ членовъ морской организаціи во главѣ съ докторомъ Балтійскаго флота Ковалевскимъ; но обаятельная личность встрѣтившаго меня моряка сразу же подѣйствовала успокоительно. Появившійся вскорѣ послѣ этого представитель «сухопутной» организаціи былъ столь удачно загримированъ подъ «товарища» въ своемъ «френчевомъ нарядѣ» и съ папوماженнымъ чубомъ на лбу, что хозяинъ поспѣшилъ представить его, послѣ чего при общемъ нашемъ смѣхѣ по поводу такого удачнаго маскарада мы приступили къ обсужденію нашего дѣла. Поразительны то мужество и самоотверженность, съ которой эти люди творили въ Петроградѣ свое опасное дѣло въ обстановкѣ провокаціи и блестяще организованнаго большевиками сыска. Какъ мнѣ послѣ стало извѣстно, одинъ изъ тогдашнихъ моихъ собесѣдниковъ былъ разстрѣлянъ послѣ наступленія ген. Юденича на Петроградъ. Еще болѣе поразительна та скромность, съ которой они расцѣпляли свою опасную работу. Прощаясь со мной, тотъ изъ нихъ, кто помогъ мнѣ прибѣгнуть къ помощи бѣлой организаціи, просилъ меня, какъ представителя военной прокуратуры, заступиться въ будущемъ за него, когда его привлекутъ къ отвѣтственности за службу въ красномъ флотѣ. Тогда мнѣ эта мысль показалась и чудовищной и смѣшной, но потомъ за границей въ кругахъ российскихъ обывателей, своевременно «эвакуированныхъ» изъ Россіи въ первый періодъ революціи, или уже очутившихся тамъ до ея начала, мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, палецъ объ палецъ не ударившихъ для дѣла спасенія родины, кровожадные разговоры о примѣрномъ наказаніи безъ всякаго разбора всѣхъ тѣхъ, кто очутился на службѣ у большевиковъ. Такихъ господъ много снуетъ въ тылу бѣлыхъ фронтовъ, гдѣ они большей частью

занимаются спекуляціей, еще больше ихъ устроилось по заграничнымъ центрамъ, гдѣ они, устроившись на теплыхъ мѣстахъ, ждутъ того момента, когда усилями борцовъ на бѣлыхъ фронтахъ и тѣхъ самоотверженныхъ героевъ, о которыхъ я упомянулъ выше, будетъ для нихъ открыта граница Россіи. Увы, ихъ много, этихъ господъ, и имъ мы должны быть главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что часто европейское мнѣніе слагается не въ пользу Бѣлой Россіи.

21 Декабря съ трехъ часовъ дня началось мое путешествіе въ Финляндію. Съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ пустой крынкой изъ подъ молока (для маскировки намѣреній) прибылъ я на одну изъ площадей Петрограда, гдѣ «сухонутный» представитель передалъ меня изъ рукъ въ руки проводнику — крестьянину финну. Началось томительное и жуткое путешествіе сначала въ трамваѣ, а затѣмъ въ вагонѣ одной изъ мало извѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій, полного крестьянами финнами, привозящими въ Петроградъ молоко. Разговоры ихъ, которые я понималъ, такъ какъ немного владѣю финскимъ языкомъ, сводились все къ обмѣну впечатлѣніями объ обыскахъ, которые, хотя и не каждый день, но по нѣскольку разъ въ недѣлю производились на одной изъ станцій, которую намъ предстояло проѣхать. Трудно передать тѣ ощущенія, которыя охватили меня, при приближеніи къ этой станціи. Остановка, холодный воздухъ отъ вливанія новой пассажирской волны, а затѣмъ передаваемая шопотомъ сверлящая душу фразы: «Идутъ» — «Никто не идетъ» — «Какъ не идутъ, уже начали обходъ съ двухъ концовъ поѣзда» — «Плохо будетъ, если ѣдетъ кто-нибудь изъ буржуевъ или офицеровъ, доберутся до него и арестуютъ» — «Вчера былъ обходъ и одного вытащили» — «Ну, значитъ, сегодня не пойдутъ, разъ вчера обходили». Только уцѣпишься за эту отрадную мысль, какъ опять слышишь: «Идутъ, уже осматриваютъ въ сосѣдномъ вагонѣ». Болѣзненно сжимается сердце и слышишь черезъ толстое пальто сильное бѣненіе его. Свистокъ, поѣздъ трогается. Не пришли! Кровь приливаетъ къ лицу, радостно бьется сердце, крѣпнетъ вѣра въ счастливый исходъ предпринятаго путешествія, на душѣ тепло и хочется обнять симпатичныхъ финновъ, польщенныхъ моимъ умѣніемъ говорить на ихъ родномъ языкѣ и радушно угощающихъ меня, голоднаго петроградца, хлѣбомъ.

Пересадка въ товарную теплушку, небольшой перегонъ стоя и мы высаживаемся на маленькой станціи среди сосноваго лѣса. Проводникъ подхватываетъ чемоданчикъ и мы идемъ по занесенной снѣгомъ дорогѣ. Послѣ двухъ верстъ ходьбы мы въ избѣ у проводника. Большая семья въ девять душъ, проводникъ — старшій сынъ 18 лѣтъ. Хозяйка угощаетъ меня кофе и со слезами на глазахъ рассказываетъ свою печальную повѣсть. Мужа убили красные, а теперь хотятъ окончательно загубить семью, требуя 15.000 р. одновременнаго налога и угрожая въ случаѣ неуплаты конфискаціей дома съ земельнымъ участкомъ. «Слава Богу, сынъ зарабатываетъ, но вѣдь его дѣло опасное, могутъ донести и его разстрѣляютъ». И, какъ всегда послѣ такого рода разговоровъ, мучительный вопросъ: «Какъ вы полагаете, скоро ли все это кончится?»

Въ два часа вочи подають лошадь; прощаюсь съ гостепріимной хозяйкой и начинаю усаживаться въ сани. Кучеръ помогаетъ садиться и чистымъ русскимъ языкомъ безъ всякаго акцента, дружески улыбаясь, говоритъ: «Закутайтесь хорошенько, г-нъ полковникъ, холодно, а дорога длинная». Не

успѣваю выяснитъ, кто онъ, проводникъ вскакиваетъ къ нему на облучекъ и среди завывающей метели, завязавъ въ снѣгу, совершаемъ путешествіе въ 17 верстъ до второго проводника, который долженъ будетъ перевести меня черезъ границу.

Маленькая избушка на курьихъ ножкахъ и новый радушный приѣмъ въ простой финской семьѣ. Угощаютъ чаемъ съ ватрушками изъ чернаго хлѣба съ картофелемъ вмѣсто творога. Угощеніе кажется царскимъ послѣ петроградской голодовки. За ѣдой кучеръ расшифровывается — это молодой фельдфебель одного изъ полковъ, стоявшаго когда-то подъ Петроградомъ. Онъ смертельно ненавидитъ большевиковъ и самъ готовится бѣжать къ бѣлымъ въ случаѣ объявленія мобилизаціи красными. Сердечно расцѣловавшись, прощаюсь съ нимъ и съ первымъ проводникомъ и ложусь на дровни для дальнѣйшаго путешествія. Плыдемъ въ снѣгу, лошадь вязнетъ по горло и только немного легче становится въ лѣсу, гдѣ дорога не такъ завесена. Послѣ двухчасового путешествія выѣзжаемъ въ поле, по которому гуляетъ снѣжная метель. Оставляемъ лошадь привязанной у какого-то одиокаго сарая, такъ какъ кругомъ жилья нѣтъ, проводникъ скидываетъ мой чемоданъ на плечи и начинается самый переходъ границы по поясъ въ снѣгу черезъ болотистое поле, изрытое канавами. Часа два продолжается эта мука съ провалами въ воду; временами кажется, что истощенный голодомъ организмъ не выдержитъ этого испытанія, но собираешь послѣднія силы и движешься впередъ. Среди почти механическихъ движеній, связанныхъ съ вытаскиваніемъ все время вязнувшихъ ногъ, забываешь, что переходишь границу и что въ карманѣ два конверта съ секретными свѣдѣніями, почеркнутыми изъ штаба красной арміи. Достигаемъ лѣса; дорога немного лучше, но она становится совсѣмъ легкой послѣ того, какъ проводникъ оборачивается и со свѣтящейся при лунѣ улыбкой заявляетъ: «А мы уже въ Финляндіи, граница за нами въ трехъ километрахъ». И бурная радость заливаетъ душу, вырвавшуюся изъ совѣтскаго ада; не чувствуешь болѣе усталости и начинаешь наслаждаться картиной первобытнаго густого лѣса съ постукивающими дятлами и загадочными тѣнями, падающими на узкую дорогу отъ мерцающей луны, которую то открываютъ, то закрываютъ летящіе снѣжные тучи. Но вотъ, видво жилье и въ 6 часовъ утра входимъ въ финскую деревню. Предстояло сдѣлать 75 километровъ до ст. Теріоки и вновь началось тяжелое путешествіе при невѣроятной стужѣ и метели, съ одного воинскаго поста на другой. Подъѣзжая вечеромъ къ Теріоки, я совсѣмъ закоченѣлъ, а моя усталость послѣ физическихъ и нравственныхъ переживаній дошла до того, что я положительно сталъ галлюцинировать и въ сосновомъ лѣсу, среди котораго мы проѣзжали, мнѣ мерещились огромные замки съ зеркальными стеклами.

Въ 7 часовъ вечера я предсталъ передъ теріокскимъ комендантомъ, который отпустилъ меня вочевать въ гостиницу, гдѣ я сразу же легъ спать и лишь на слѣдующій день, проснувшись около часу, отправился отыскивать представителей бѣлой русской организаціи, которымъ я долженъ былъ передать доставленные изъ Петрограда пакеты.

Каждый изъ насъ, испытавшихъ ужасы петроградской жизни при большевикахъ, знаютъ, что обитатели Петрограда жили и живутъ до сихъ поръ иллюзіями о приходѣ извнѣ избавителей, причемъ положеніе большинства петроградцевъ столь тяжкое, что они согласны купить свое спасеніе какой угодно цѣной, а потому приближеніе непріятели къ столицѣ въ 1918 году

вызвало среди населенія нескрываемую радость. Въ періодъ перехода мною границы, Петроградъ жилъ иллюзіями объ англійской помощи и всюду можно было услышать передаваемые изъ «достоверныхъ» источниковъ свѣдѣнія объ англійскомъ штабѣ въ Теріокахъ и войскахъ ген. Юденича на финляндской границѣ. Иллюзіи эти въ своихъ интересахъ поддерживались и бѣлыми организаціями въ Петроградѣ въ цѣляхъ привлеченія большаго количества участниковъ въ свои кадры. Каково же было мое разочарованіе, когда вмѣсто всего этого я нашелъ въ Теріокахъ лишь конспиративную квартиру, гдѣ нѣсколько русскихъ офицеровъ въ своей своеобразной полувоенной формѣ владели жалкое существованіе въ пустой дачѣ съ кроватями безъ одѣялъ и бѣлья. Имъ очень быстро я былъ информированъ, что организація ген. Юденича еще только что зарождается, а объ иностранной помощи ничего и не слышно.

Среди этихъ офицеровъ мое вниманіе привлекъ морской лейтенантъ Г., только что вернувшійся со свѣжими новостями изъ за границы. Онъ выдѣлялся среди другихъ своимъ широкимъ развитіемъ и большой освѣдомленностью въ дѣлахъ бѣлыхъ. Въ то время въ антибольшевистскихъ кругахъ преобладало мнѣніе, что безъ помощи союзныхъ вооруженныхъ силъ съ большевиками не справиться. Лейтенантъ Г. рѣзко высказывался противъ подобнаго мнѣнія, утверждая, что интервенція принесетъ только вредъ, такъ какъ союзники преслѣдуютъ лишь свои интересы и спасеніемъ Россіи не интересуются; единомыслія въ русскомъ вопросѣ среди нихъ нѣтъ, Россіи они совершенно не знаютъ и не понимаютъ, потому надѣлаютъ массу глупостей и вмѣшательство ихъ, даже при удачѣ, будетъ дорого стоить русскому народу. Кроме того, вмѣшательство иностранцевъ позволитъ большевикамъ играть на патріотическихъ чувствахъ русскаго народа, придавая борьбѣ съ бѣлыми національный характеръ, и лишитъ бѣлыхъ должной самостоятельности и инициативы, такъ какъ иностранцы при оказаніи помощи будутъ претендовать на руководящую роль. Опора на иностранные штыки, а не на свою собственную силу, деморализующе отразится на бѣлыхъ, вызывая у нихъ ложное представленіе, что спасеніе Россіи придетъ извнѣ, а не благодаря самоотверженности и патріотизму ея сыновъ, и лишитъ бѣлыхъ той энергіи и вѣры въ свои собственные силы, которыя одни только смогутъ обезпечить имъ побѣду. Подѣлвшись далѣе своими грустными впечатлѣніями отъ тѣхъ темныхъ элементовъ, которые уже тогда «примазывались» къ бѣлымъ организаціямъ и отъ отсутствія въ средѣ бѣлыхъ политическаго единомыслія, лейтенантъ Г., проведя параллель между великой французской революціей и развитіемъ революціоннаго процесса у насъ, высказалъ опасеніе, какъ бы борьба бѣлыхъ не только не принесла бы пользы, но даже вредъ, задержавъ то естественное изжитіе большевизма внутри, которое уже началось и будетъ имѣть свой логическій конецъ . . .

Часть I

Путешествіе въ Сѣверную Область и исторія возникновенія въ ней борьбы

Глава I

Россійскій посланникъ въ Стокгольмѣ г. Гулькевичъ.

Дорожныя впечатлѣнія и бесѣды. Фіорды

Въ Январѣ 1918 года мною была получена телеграмма отъ Россійскаго посланника въ Стокгольмѣ г. Гулькевича съ предложеніемъ ѣхать въ Архангельскъ для занятія должности по военно-судебному вѣдомству, такъ какъ глава Временнаго Правительства Сѣверной Области Чайковскій вызывалъ туда специалистовъ. Я тотчасъ же отвѣтилъ принципиальнымъ согласіемъ, но отъѣздъ мой изъ Финляндіи затянулся, такъ какъ я хотѣлъ устроиться въ возникшую къ этому времени въ Финляндіи организацію ген. Юденича, считая, что мнѣ нѣтъ никакой надобности ѣхать такъ далеко, когда работать можно здѣсь же на мѣстѣ.

Убѣдившись, однако, что предпріятіе ген. Юденича принимаетъ затяжной характеръ, я рѣшилъ ѣхать на Сѣверъ и, исключивъ необходимыя визы, въ томъ числѣ и англійскую на право въѣзда въ Архангельскъ, выѣхалъ 5 Апрѣля изъ Гельсингфорса въ Стокгольмъ. Въ нарядной столицѣ Швеціи я пробылъ 9 дней, поджидая партію офицеровъ изъ Финляндіи, съ которыми долженъ былъ ѣхать на Сѣверъ. Здѣсь я былъ представленъ Россійскому посланнику г. Гулькевичу, обаятельная личность котораго произвела на меня самое чарующее впечатлѣніе. Чрезвычайно внимательный ко всѣмъ, г. Гулькевичъ поражалъ своей удивительной освѣдомленностью во всѣхъ вопросахъ, касающихся внутренняго и внѣшняго положенія Россіи, а также своимъ поразительнымъ умѣніемъ вѣрно оцѣнить переживаемыя событія и сдѣлать изъ всей обстановки правильный выводъ. И немудрено: для него не существовало среди насъ, русскихъ, гражданъ перваго и втораго разряда, онъ принималъ всѣхъ и выслушивалъ съ одинаковымъ вниманіемъ cadaго. Сильное впечатлѣніе произвела на него переданная мною

просьба представителей бѣлой организаціи въ Петроградѣ поспѣшить съ помощью, такъ какъ они, по ихъ словамъ, могли удержаться только до весны, когда имъ предстояло или ждать кровавой ликвидаціи, или выступить противъ бѣлыхъ. Онъ попросилъ меня составить объ этомъ депешу, которая и была немедленно отправлена въ Парижъ.

15 Апрѣля въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ я выѣхалъ изъ Стокгольма по желѣзной дорогѣ въ Нарвикъ — одинъ изъ малевькихъ портовъ Сѣверной Норвегіи. Судьба послала миѣ въ дорогѣ очень интереснаго спутника, полковника ген. штаба Б., только что бѣжавшаго изъ совдепіи. На его перепетіяхъ намъ стоить немного остановиться. Разъединенный съ женой, которая находилась въ Новониколаевскѣ, Б. рѣшилъ бѣжать черезъ линію восточнаго фронта въ Сибирь. Но попытка эта не удалась; онъ былъ схваченъ красными и ему угрожалъ разстрѣль, когда было получено распоряженіе Троцкаго предложить ему на выборъ, какъ «спецу», или начальника штаба арміи или разстрѣль. Б. согласился на службу большевикамъ и вскорѣ выхлопоталъ себѣ болѣе спокойное мѣсто — инспектора пѣхоты Сѣвернаго фронта, штабъ котораго находился въ то время въ Ярославлѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ въ отдѣльномъ салонъ-вагонѣ съ почетнымъ карауломъ выѣхалъ на инспекцію пѣхотныхъ частей фронта въ Лугу. Въ Петроградѣ ночью, въ то время, какъ его вагонъ передавали съ Николаевского вокзала на Варшавскій, онъ бѣжалъ черезъ финляндскую границу.

Съ виду мрачный и веобщительный, но въ дѣйствительности сердечный и крайне симпатичный, полк. Б. прекрасно разбирался въ положеніи у большевиковъ, обнаруживая большой умъ и наблюдательность. Онъ сознавалъ всю силу противника и трудность борьбы съ нимъ, но считалъ, что у насъ есть три могучихъ союзника, съ которыми большевикамъ никакъ не справиться — продовольственный кризисъ, разстройство транспорта и отсутствіе топлива. Невольно всѣ разговоры вертѣлись вокругъ вопроса, что насъ ожидаетъ на далекомъ Сѣверѣ, причемъ, такъ какъ составъ правительства мы не знали, то естественно, что мы интересовались личностями генераловъ, стоявшихъ во главѣ военнаго вѣдомства: Миллеромъ и М—скимъ. О генералѣ Миллерѣ полковникъ Б. былъ самага высокаго мнѣнія, сохранивъ о немъ самыя лучшія воспоминанія по совмѣстной службѣ въ Московскомъ военномъ округѣ. Его отличительными свойствами онъ считалъ: глубокій пронизательный умъ, чрезвычайную работоспособность и гуманное отношеніе къ своимъ подчиненнымъ. Что же касается оцѣнки личности ген. М—скаго, то полковникъ Б. отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, хотя и способномъ, но порывистомъ, поверхностномъ, лѣнливомъ и неспособномъ къ систематической, вдумчивой работѣ.

17 Апрѣля въ 1 часъ дня мы прибыли въ Нарвикъ, гдѣ намъ суждено было просидѣть до 20-го и встрѣтить Пасху, такъ какъ, по случаю «Великой Пятницы», чтимой норвежцами болѣе самой Пасхи, очередной пароходъ на Ледингенъ не пошелъ. Здѣсь мы могли ознакомиться съ радушіемъ и гостепріимствомъ норвежцевъ и ихъ сердечнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ намъ. Хозяйка гостиницы и всѣ служащіе приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы своимъ вниманіемъ скрасить встрѣчу нами Свѣтлаго Праздника на чужбинѣ. Еще болѣе незабываемой сердечности было намъ проявлено тогда, когда мы, вторично потерявъ родину, попали въ Норвегію въ порядкѣ бѣгства изъ Сѣверной Области, но объ этомъ ниже.

Съ Нарвика началось наше знакомство съ норвежскими фьордами и трехдневное путешествіе по нимъ до Вардэ. Извиваясь голубой лентой, какъ рѣка, потянулись они среди безконечной цѣпи снѣговыхъ горъ, у подножья которыхъ, гдѣ-то внизу, какъ карточные домики, расположились рыбацкія поселки. И такая панорама продолжается положительно до безконечности... Закроешь глаза и вповь черезъ нѣкоторое время откроешь, — все та же картина: голубое небо, голубая вода и безконечная цѣпь снѣжныхъ горъ поразительной бѣлизны. Начинаешь понимать всю силу характера героевъ Ибсеновскихъ драмъ — Браута и др., и то созерцательно углубленное настроеніе, вызываемое окружающей природой, которое конденсируетъ глубокія чувства и сильныя страсти, вырывающіяся иногда могучимъ фонтаномъ, какъ горячій гейзеръ на ледяной Исландіи, изъ-подъ ледяной маски внѣшней невозмутимости и спокойствія.

А, вѣдь, на фонѣ этой мертвой величественной природы люди тоже пылали другъ къ другу ненавистью на почвѣ социальныхъ противорѣчій (д-ръ Штокманъ) и на днѣ чистаго, прозрачнаго, голубого фьорда остался заигравшійся на пристани и нечаянно упавшій въ воду, «Маленькій Эольфъ», котораго не спасли бѣдные рыбаки, питавшіе ненависть къ его родителямъ-богачамъ...

23 Апрѣля рано утромъ мы прибыли въ послѣдній пунктъ нашего пребыванія за границей — Вардэ, маленькій норвежскій городокъ на голой скалѣ, со всѣхъ сторонъ открытый для вѣчно дующаго холоднаго вѣтра. Здѣсь намъ пришлось пробыть три дня въ ожиданіи русскаго парохода, который долженъ былъ насъ доставить на родину.

Глава II

«Купава». Незамерзающій русскій портъ Мурманскъ. Русскій административный персоналъ и союзное командование. Ледовитый океанъ. Борьба со льдами. Прибытіе въ Архангельскъ

26 Апрѣля вечеромъ мы вступили на бортъ русскаго парохода «Купава». Грязный пароходъ съ неряшливо одѣтой и смотрѣвшей исподлобья командой несомнѣнно большевистской оріентаціи, видѣвшихъ въ насъ враговъ народа, ѣдущихъ «пить его кровушку», произвелъ на меня и на моихъ спутниковъ тяжелое впечатлѣніе: мы ожидали другой встрѣчи въ Бѣлой Россіи. Только развѣвавшійся на кормѣ нашъ русскій національный флагъ радовалъ сердце и напоминалъ намъ, что мы у себя дома. Ночь была бурная, штормовая и причинила намъ много неприятностей: мы почти все переболѣли морской болѣзью.

Лишь подъ утро все стихло: мы стали приближаться заливомъ, составляющимъ какъ бы продолженіе норвежскихъ фьордовъ, къ незамерзающему русскому порту Мурманску и около 12 часовъ дня причалили къ одной изъ

его грандіозныхъ пристаней. Больно рѣзнула по сердцу провѣрка нашихъ паспортовъ союзнымъ военнымъ контролемъ и англійской военной полиціей; оказывается, мы еще пока у себя не хозяева. Рельсовыми путями черезъ грязный портъ, заваленный издающими зловоніе пустыми ящиками и консервными коробками, мимо маленькой замурзанной станціи «Мурманскъ» и составовъ поѣздовъ, частью пустыхъ, а частью занятыхъ подъ постои союзныхъ войскъ и учреждений, прибыли мы по непролазной грязи въ нештатный городъ Мурманскъ — небольшой поселокъ со свѣжими срубамн для жилья и переносными бараками амерпканскаго типа, занятыми союзными войсками. Даже прекрасная солнечная погода не могла скрасить неказистый видъ этого молодого русскаго портоваго города, расположеннаго среди болотистой мѣстности, покрытой лишайниками, мелкими кустами березняка, и прижатаго къ морю снѣговыми горами. Но все это искупается никогда не замерзающей и защищенной отъ вѣтровъ обширной гаванью, допускающей по своей глубинѣ стоянку самыхъ крупныхъ океанскихъ судовъ.

Устроившись въ старомъ и грязномъ вагонѣ 1 класса, который намъ отвели для ночлега, мы пришли въ штабъ начальника военнаго отдѣла Мурманскаго района, расположенный въ небольшомъ деревянномъ зданіи. Здѣсь мы познакомились съ встрѣтившимъ насъ чрезвычайно радушно Начальникомъ военнаго отдѣла, полковникомъ Л. И. Костанди, молодымъ и способнымъ офицеромъ Ген. Штаба, который въ теченіе десятидневнаго пребыванія нашего въ Мурманскѣ ознакомилъ насъ съ исторіей бѣлаго переворота на Мурманѣ и съ положеніемъ, которое существовало тамъ къ нашему пріѣзду, а также съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ.

Самый переворотъ произошелъ совершенно безболѣзненно въ порядкѣ соглашенія союзниковъ съ Мурманскимъ совдепомъ послѣ разрыва его съ Москвой, въ виду заключенія послѣдней Брестъ-Литовскаго договора. Предсѣдатель Мурманскаго совѣта, кочегаръ Юрьевъ, сообщилъ объ этомъ соглашеніи по прямому проводу Ленину, обозвавъ его при этомъ измѣнникомъ. Такимъ образомъ, разрывъ произошелъ лишь на почвѣ разногласія въ международнои политикѣ, а совѣтская организація была сохранена, что нисколько не смущало союзниковъ, преслѣдовавшихъ свои спеціальныя цѣли — защиту Мурманска отъ возможнаго появленія туда оперировавшихъ въ то время въ Финляндіи германцевъ, для борьбы съ которыми были приняты на англійскую военную службу бѣжавшіе изъ Финляндіи красные финны, образовавшие отдѣльный отрядъ во главѣ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ народныхъ комиссаровъ Токоемъ. Власть совѣтовъ на Мурманскѣ была уничтожена лишь послѣ образованія въ Архангельскѣ сначала Верховнаго Управленія, а затѣмъ Временнаго Правительства Сѣверной Области, въ составъ которой вошелъ и Мурманскъ. Совѣтская власть пустила на Мурманѣ, особенно въ Мурманскѣ, глубокіе корни, такъ какъ большинство населенія составляло пришлый элементъ рабочихъ вновь выстроенной желѣзной дороги (Мурманъ—стройка); недаромъ Мурманскъ, лишенный осѣдлыхъ буржуазныхъ элементовъ, считался центральной совѣтской властью «удобнымъ полемъ для социалистическихъ опытовъ», какъ-то и значилось въ одномъ изъ попавшихъ мнѣ потомъ въ руки большевистскихъ документовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда мы могли сами воочию убѣдиться въ большевистскихъ симпатіяхъ населенія. Согласно приказа Командующаго войсками Сѣверной Области, ген. М—скаго, былъ разрѣшенъ свободный выѣздъ въ

совдепію всѣмъ желавшимъ туда ѣхать и, вотъ, на нашихъ глазахъ отошелъ поѣздъ, перегруженный красными, которыхъ дружески, съ явнымъ сочувствіемъ провожало почти все остальное населеніе Мурманска. На меня это произвело тогда крайне непріятное впечатлѣніе, а изъ бесѣды съ высшими чинами англійскаго штаба я убѣдился, что ихъ это сочувствіе населенія большевикамъ привело положительно въ ярость и, можетъ быть, послужило вполнѣ однимъ изъ мотивовъ ихъ нежеланія оставаться тамъ для нашей поддержки. Я помню, тогда мы подѣлились съ полковникомъ Б. опасеніями, что станеть съ русской властью, въ случаѣ ухода союзниковъ, и наши опасенія оказались не безосновательными, ибо Мурманскъ сыгралъ печальную роль при ликвидаціи Сѣверной Области, такъ какъ съ него началось возстаніе на Мурманѣ, повлекшее за собою паденіе Мурманскаго фронта.

Въ описываемый моментъ русскія вооруженныя силы Мурманскаго фронта состояли изъ . . . двухъ полковъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ былъ добровольческій подъ англійскимъ командованіемъ; борьбу вели партизанскаго характера. Изъ союзныхъ войскъ большую часть составляли англичане, которымъ и принадлежало высшее командованіе въ лицѣ генерала Мейнарда.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, полковникъ Б. и я были приняты имъ въ присутствіи чиновъ его штаба. Генераль прежде всего поздравилъ насъ съ благополучнымъ избавленіемъ отъ большевиковъ, а затѣмъ приступилъ къ самому подробному разспросу о положеніи въ Совѣтской Россіи. Узнавъ, что полк. Б. былъ Инспекторомъ пѣхоты Сѣвернаго фронта у большевиковъ, онъ прежде всего съ любезной улыбкой попросилъ его рассказать о состояніи «ввѣренной ему пѣхоты». Выслушавъ обстоятельный докладъ полк. Б. о состояніи красной арміи, генераль долго интервьюировалъ меня о политическомъ и финансово-экономическомъ положеніи въ Совѣтской Россіи, а также о царщемъ тамъ террорѣ. Видно было желаніе узнать правду о Россіи и чувствовалось искреннее и сердечное расположеніе къ намъ, а отъ полк. Костанди намъ было извѣстно, что генераль не ограничивается словами, а проявляетъ свое расположеніе и на дѣлѣ, побуждая свое правительство къ активной поддержкѣ. На другой день послѣ пріема насъ генераломъ Мейнардомъ, къ намъ зашелъ глава французской военной миссіи, полковникъ Бигу, обмѣнъ мнѣніями съ которымъ носилъ самый оживленный характеръ. На наши сѣтованія о слабой поддержкѣ насъ союзниками полковникъ Бигу объяснилъ, что такое невмѣшательство вызывается необходимостью истеченія извѣстнаго срока для изжитія большевизма самимъ русскимъ народомъ, ибо иначе для насильственнаго водворенія порядка потребовались бы громадныя вооруженныя силы и все таки врядъ ли бы этотъ порядокъ былъ бы обезпеченъ подобнымъ методомъ дѣйствій. Свою мысль о томъ, что время работаетъ противъ большевиковъ и преждевременное вмѣшательство въ этотъ цѣлительный процессъ только вредитъ дѣлу, полк. Бигу иллюстрировалъ выступленіемъ чехо-словаковъ на Волгѣ, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, и гдѣ народныя массы неохотно поддерживали бѣлыхъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней я и полк. Б. представились Начальнику Мурманскаго края Е., который произвелъ на насъ впечатлѣніе чловѣка практической складки, прекрасно учитывающаго моментъ и чуждаго бюрократической рутинѣ. Между прочимъ, онъ вполнѣ опредѣленно высказался, что будущимъ хозяиномъ земли русской будетъ крестьянинъ,

которому должна быть уступлена захваченная имъ въ революціонномъ порядкѣ земля, а поэтому онъ, лично, окончательно и безповоротно разстался со своимъ имѣніемъ, находящимся въ одной изъ южныхъ губерній Россіи. Свою дѣятельность на Мурманѣ и въ Олонецкой губерніи онъ развивалъ на базисѣ дружной и дѣловой работы съ волостными земствами, выѣзжая обыкновенно на мѣста сразу же послѣ освобожденія ихъ отъ большевиковъ.

Задержка съ ледоколами вызвала наше десятидневное пребываніе въ Мурманскѣ, въ теченіе котораго полковникъ Костанди подробно ознакомилъ насъ съ тѣмъ, что ожидало насъ въ Архангельскѣ. Отзывъ его, равно какъ и Е., о генералѣ Миллерѣ вполне соответствовалъ оцѣнкѣ личности послѣдняго полк. Б.

Большихъ усилій стоило намъ устроиться на одинъ изъ ледоколовъ, отходящихъ въ Архангельскъ 7 мая. Отправка судовъ, распредѣленіе на нихъ мѣстъ и груза, — все это находилось въ рукахъ англичанъ и намъ пришлось неоднократно ходить въ штабъ генерала Мейнарда, союзный военный контроль (контръ-развѣдка) и къ старшему морскому транспортному офицеру, чтобы добиться разрѣшенія проѣхать изъ одного русскаго города въ другой. Наконецъ, наряду съ англійской визой, поставленной мнѣ въ Стокгольмѣ на вѣздъ въ Архангельскъ, появилась «виза» союзаго военного контроля, разрѣшающая слѣдовать туда же на ледоколѣ «Бонавенчуръ».

7 мая полк. Б., я и еще двое офицеровъ сѣли на «Бонавенчуръ», оказавшійся русскимъ ледоколомъ «Русановымъ», зачисленнымъ вмѣстѣ со всей своей командой на службу по англійскому адмиралтейству. Всѣ лучшія мѣста на пароходѣ были отведены англійскимъ офицерамъ, а намъ были предоставлены мѣста въ трюмѣ, гдѣ царило зловоніе отъ погруженныхъ туда продуктовъ, и въ которомъ намъ предстояло путешествовать въ обществѣ нѣсколькихъ сумасшедшихъ и моихъ будущихъ кліентовъ — арестантовъ, которыхъ везли на судъ въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что нашему возмущенію не было предѣла; оно раздѣлялось даже «красной» русской командой ледокола, задѣтой вмѣстѣ съ нами въ патріотическихъ чувствахъ. Возмутительное отношеніе къ намъ иностранцевъ, распоряжавшихся на нашемъ же суднѣ, слило насъ въ единую русскую семью, причемъ матросы выражали намъ свое сочувствіе и старались быть съ нами любезными и внимательными. Старый «ледяной» капитанъ «Бонавенчура-Русанова» Стессель вошелъ въ наше положеніе и общалъ намъ, какъ только ледоколъ тронется, открыть лазаретъ, гдѣ и устроить всѣхъ насъ, но попросилъ насъ выждать отхода ледокола, чтобы и лазаретъ отъ насъ не отняли англійскіе офицеры...

Уже во время самаго хода ледокола мы убѣдились въ возможности такого «джемтельменскаго» поступка со стороны послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что каютъ-кампанія ледокола была ими занята подъ свою столовую, гдѣ имъ сервировали то первый завтракъ, то второй завтракъ, затѣмъ чай, обѣдъ и, наконецъ, ужинъ. Въ одинъ изъ промежутковъ между ихъ ѣдой, ѣхавшій на ледоколѣ коммерческій капитанъ рѣшилъ тоже отобѣдать въ каютъ-кампаніи вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и директоромъ отдѣленія Московскаго банка въ Архангельскѣ. Только что они расположились, какъ появился одинъ изъ англійскихъ офицеровъ и потребовалъ, чтобы они удалились вонъ, такъ какъ каютъ-кампанія ваходится въ полномъ и исключительномъ распоряженіи англичанъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету